

больше внимания; интереснейшая проблема перевода нонсенса и «непереводимого» в нем еще далеко не раскрыта и ждет своих исследователей.

Литература

1. *Carroll L. The Hunting of the Snark.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snarkeng.txt>.
2. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. С. Афонькина.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark.txt>.
3. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. Е. Ключева // Лир. Э, Кэрролл. Л. Целый том чепухи.* М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1992. С. 76–123.
4. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. М. Пухова.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark3.txt>.
5. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. Л. Яхнина // Кэрролл Л. Приключения Алисы.* М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. С. 317–354.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

Л. С. Циманович

«Слово о полку Игореве» – уникальный памятник литературы восточных славян, по художественной ценности затмивший все творения древнерусской словесности и получивший мировое признание, о чем свидетельствует множество прозаических и поэтических переводов. В частности, на сербскохорватский язык «Слово» переводили М. Светич (Ё. Хаджич), П. Негош, М. Панич-Суреп, Д. Медич, О. Утешенович-Острожинский, И. Шайкович, И. Бадалич, М. Бабович.

Изучением восточнославянского памятника в разное время занимались крупные югославские литературоведы: А. Гаврилович, Р. Лалич, М. Бабович, М. Бошкова, М. Клеут, М. Мулич, М. Сибинович, М. Стойнич, Дж. Трифунович. По верному заключению А. Шешкен, «исследование «Слова о полку Игореве» в Югославии ведется в тесном взаимодействии с его изучением в мировом литературоведении. Поэтому в ряде статей заметна концептуальная близость к работам исследователей из других стран, прежде всего российских. Югославские ученые уделили основное внимание изучению переводов «Слова» и их роли в литературах своей страны» [5, с. 97].

В югославянской рецепции «Слова» особо значим период второй половины XIX в., когда появились первые переводы его на сербский язык, среди которых и переложение черногорского поэта, а также главы государства и предстоятеля церкви, *Петра II Петровича Негоша (1813 – 1851)*.

В культуре многих народов имеются личности, обладающие даром

обобщить накопленный предшественниками опыт и создать те образцы, которые бы легли в основу дальнейшего развития литературы. Таким образом для сербского искусства слова является драматическая поэма Негоша «Горный венец», эпический характер которой опирается на богатый сербский фольклор – юнацкие песни, но при создании своего произведения Негош, конечно же, использовал и опыт, приобретенный им при переводе «Слова о полку Игореве».

Петр Негош владел русским языком, дважды посещал Россию, в русских переводах поэт ознакомился и со многими произведениями Шекспира, Мильтона, Байрона, Гёте и других классиков мировой литературы. Посредническая роль русского искусства слова проявилась в переводе на сербский язык первой песни «Илиады», выполненном Негошем с текста-переложения Гнедича. Однозначно, русская литература в немалой степени повлияла на сербского поэта. Существенно также, что он придавал большое значение переводческой деятельности для развития выразительных возможностей родного языка – на это убедительно указал М. Бабович в своем фундаментальном исследовании «Поэтика «Горного венца» [см. 1, с. 12].

Переложение восточнославянского памятника на сербский язык Негош начал вскоре после своей второй поездки в Россию, предпринятой в 1937 г.

Следует отметить, что в первой половине XIX века в русском литературоведении появился ряд исследований, посвященных «Слову», а также несколько его поэтических и прозаических переводов. Такой интерес к этому памятнику XII века со стороны русских писателей, судя по всему, не оставил равнодушным и Негоша. Обратим внимание: в Цетиньской библиотеке, привезенной черногорским владыкой из России, хранились специальное издание Максимовича, посвященное «Слову» – оригинал и перевод памятника на русский язык, а также полное собрание сочинений А. С. Шишкова, в котором среди прочих произведений был помещен оригинал древнерусского эпоса с комментариями и прозаическим переложением.

Думается, «Слово о полку Игореве» привлекло Негоша не только из-за своей популярности среди русских писателей, но и по причине глубины идей, в нем заложенных. Здесь нельзя обойти вниманием сходство «Слова» с сербским эпосом, в основу которого положена не победа и торжество народа (на чем обычно базируется эпос), а поражение в Косовской битве 1389 г. И восточнославянский памятник повествует о неудачном походе князя Игоря на половцев, закончившемся поражением. В «Слове» Негошу была также близка идея общности славян. Черногорский поэт рассматривал свой народ как часть сербства, призывал сооте-

чественников забыть все распри и объединить усилия в борьбе против единого врага, «чтобы сохранить «гнездо свободы и юнацтва», сохранить свои народные корни, свою историческую память» [2, с. 32]. В этой борьбе владыка рассчитывал на помощь России, славянского государства, способного противостоять Османской империи.

Негошевский перевод «Слова о полку Игореве» следует считать поэтическим переложением. Почему? Не только потому, что переводчик достаточно свободно отнесся к тексту оригинала. В четырех фрагментах восточнославянского памятника, переведенных Негошем, есть ряд особенностей, позволяющих нам говорить о черногорском поэте как о соавторе анонимного русского автора XII века, а значит – рассматривать данный перевод как определенный этап в творческой эволюции черногорского поэта-переводчика.

Своеобразие выполненного Негошем перевода древнерусского эпоса особо проявляется при сопоставлении его со знаменитым «Горным венцом». Произведения перекликаются на уровне идей, мотивов, образов и даже некоторых выражений и фраз, почти дословно повторяющихся и в драматической поэме, и в переложении «Слова». Показательно также, что перевод содержит ряд текстовых элементов, которые отсутствуют в оригинале восточнославянского памятника и связаны с понятиями, непосредственно относящимися к черногорской действительности.

В «Горном венце», созданном Негошем после переложения, так же, как и в «Слове», встречается мотив затмения, однако уже не столько как явление природное, что свойственно «Слову», а в виде метафоры: у Негоша владыка Данило говорит о том, что магометанский месяц затмил христианское солнце: «Помрчина нада мною царује, мјесец ми је сунце заступило...» [1, с. 36].

О влиянии «Слова» на «Горный венец» можно судить и на основе сравнения структурных особенностей произведений. Древнерусский эпос включает в себя «Плач Ярославны», фрагмент наиболее тесно связанный с устным народным творчеством. Можно предположить, что Негош, творчески развивая опыт автора XII века, помещает в своем «Горном венце» плач сестры Батрича – произведение, по мнению ряда исследователей, не принадлежащее непосредственно Негошу, а записанное им в одном из черногорских селений.

Еще одна важная деталь: ставшая знаменитой метафора «венеч славы» у Негоша появляется именно в переложении «Слова», и как раз в стихах, отсутствующих в оригинале. В Негошевском переводе великий сказитель Боян «плел песенный венец» русскому князю: «...пјеснички в’јенац он свијаше та Роману Светослављевићу» [3, с. 262]. Как известно, данная метафора позднее стала названием значительнейшего произведе-

дения всей сербской литературы – поэмы «Горный венец». Заметим, что выбор такого названия был принят владыкой не сразу: «первоначально автор искал своему произведению название в понятиях «Извиискра – Извита искра – Извијање искре» («Взвитье искры»), которое ассоциировалось с развертыванием борьбы за независимость, рождением свободы... А «Венец» в окончательном названии – это прославление... защитников отечества, увенчание славой Черногории, что, впрочем, отразилось и в самом тексте» [4, с. 65–66].

К сожалению, полный перевод «Слова о полку Игореве» Негошем не выполнен. Однако имеющиеся четыре отрывка дают достаточно материала для того, чтобы говорить о выдающемся памятнике древнерусской литературы как о значимом факторе творческой эволюции Петра II Петровича Негоша, а работу над переводом «Слова» рассматривать как определенную ступень на пути к созданию своего главного произведения – «Горный венец».

Литература

1. *Бабовић М.* Поетика «Горског вијенца». Подгорица: ЦАНУ, 1997. 261 с.
2. *Кутасова О.* Предисловие // Негош П. Горный венец; Самозванец Степан Малый. М.: Худож. лит., 1988. 234 с.
3. *Његош П. П.* Горски вијенац и Луча микрокозма. Подгорица: New Public, 2001. 388 с.
4. *Његош П. П.* Шћепан Мали. Проза. Преводи. Целокупна дела Петра II Петровића Његоша. Књига четврта. XI издање. Београд: Просвета; Цетиње: Обод, 1982. 392 с.
5. *Чарота I. А.* Чарнагорски ўладыка – уладар – паэт (Петар Петравіч Негаш) // Славянскія літаратуры: постаці: Зборнік артыкулаў. Мн.: РІВШ БДУ, 2003. С. 51–68.
6. *Шешкен А. Г.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Югославии // Русская и югославянские литературы в свете компаративистики: Учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 97–105.